

МАМА 1

Каждый их шаг отдавался в голове визгливым скрипом. Он никогда не думал, что снег может издавать такие отвратительные звуки. Всегда считал его беззвучным, невесомым, красивым. Это когда осторожно засыпало двор дома парящими в безветрии снежинками. А он из комнаты рассеянно наблюдал. Стоял у окна, кутаясь в теплую кофту отца, и наблюдал, как падает снег. И находил, что в этом хаотичном полете тоже есть свой порядок. И он безмолвен и красив.

В руках большая керамическая чашка отца с горячим сладким чаем, настоящим на смеси ароматных, непременно полезных — по мнению мамы — трав. Из кухни тянет творожной запеканкой с изюмом — мама затеяла. В доме тихо, тепло, хорошо. Можно думать о чем угодно. И мысли такие легкие, нежные, парящие, как снег за окном...

— И она стоит такая с сигаретой у окна, улыбается ему и говорит... Я умру не сегодня, представляешь?!

Галина РОМАНОВА

Вопрос, перекрывший мерзкий скрип под их подошвами, заставил его вздрогнуть. Настена поправила мелкую прядку волос, выскочившую из-под вязаной шапочки, ниже натянула ее, почти на самые глаза, и жалобно улыбнулась посиневшими от холода губами.

— Представляешь?!

— Кто представляет? Я? Или она?

— Ты, — она растерянно моргнула и остановилась. — Ты представляешь?

И он тут же наткнулся на нее и едва не упал. И сразу панически озверел. Ему... Им нельзя падать! Нельзя останавливаться! Остановка — это смерть!

— Чего встала? — заорал он не своим, хриплым от холода голосом. — Чего встала? Ну! Пошла, пошла!

— Саш... — ее мохнатые от инея ресницы задрожали. Синие губы пошли ломаной линией. — Саш, не ори на меня, ладно?

А он бы больше и не смог. Он забыл на краткий миг, что ему не только нельзя останавливаться. Ему и на Настю смотреть нельзя. Потому что он тут же начинал задыхаться от жалости. От понимания того, что это он, он во всем виноват! В их несчастном жалком положении. В том, что у него поломался снегоход и они вторые сутки бредут по кромке леса, пытаясь выйти к людям, и, кажется, заблудились. В том, что она промерзла до костей, и вымоталась, и, похоже, потеряла всякую надежду.

— Не буду, — еле выдавил он. Задышал часто. И спросил: — И что дальше-то было?

• *Месть Спящей красавицы* •

— Где?

Настя тоже дышала часто. От обиды? И от обиды, конечно. Но больше от усталости и страха. Ей было страшно, очень. Он это видел. Она боялась, что они не дойдут до стойбища оленеводов. А оно должно быть уже где-то близко. И он обещал ей, что они обязательно дойдут.

Боялась диких зверей, хотя они за два дня, что шли, так ни разу никакого зверья и не встретили. И даже ночами, когда жгли костер и тесно жались друг к другу, боясь засыпать, к ним никто не вышел из чащи. И слава богу!

Боялась, что больше никогда не увидит своего отца, а она его очень любила. И всегда ставила его Саше в пример. И это его немного бесило. Не у нее одной, слышь, были такие образцово-показательные отцы, любящие своих детей всем сердцем! Просто ее отец был жив, а Сашин погиб на охоте. Пять лет назад погиб. При загадочных, как мама утверждала, обстоятельствах. В полиции, правда, в его гибели ничего загадочного не увидели.

Был на охоте с другом? Замечательно! Зачем было разделяться? Зачем один пошел в одну сторону, а второй в другую? Не знали, как потом добычу станут делить? Упал Сашин отец с какой-то высоты? Упал! Заключение экспертов о ссадинах и множественных ушибах имеется. А также порванная одежда. Ногу сломал? Да! Дойти не смог? Тоже да. Вот вам и причины его гибели. Где же тут загадка?!

Но мама в такую нелепость верить отказывалась. Утверждала, что упасть отец с какой-то там высоты

Галина РОМАНОВА

не смог бы, толкай его! Он эти сопки знал как свои пять пальцев! Он каждого зверя знал в морду. Он...

Внутри все вдруг сжалось от дикого страха за мать. Как же она?! Как же она сможет пережить, если и с ним подобная беда приключится? Если и его найдут скорчившимся и замерзшим под еловыми лапами, как нашли его отца?! Что станет с ней?

А Настя! Она...

— Чего замолчала, малышка?

Саша раздвинул губы, пытается улыбнуться, хотя было очень больно это делать. Рот обветрил и саднил.

— Что? — Настя неуверенно сделала шаг вперед.

— Ты рассказывала мне историю про какую-то женщину, которая стояла у окна и говорила, что умрет не сегодня. Ну!

— Неудачная история. — Ее замерзшее лицо, казавшееся почти прозрачным, сделалось хмурым. — Она плохо закончилась.

— И все же?

Они должны были разговаривать, хотя это и отнимало силы. Если замолчат, то все. Это почти то же самое, что остановиться!

— Она умерла в тот же миг. — Настя протяжно вздохнула, будто всхлипнула. — У нее под окном что-то такое было с газовой трубой. И там велись работы. Ее попросили не курить. А она крутую из себя корчила. Стояла и пепел за окно стряхивала. Ей раз замечание сделали. Два. А она такая: я умру не сегодня. И снова пепел стряхнула. И как бабахнет! И ее потом с потолка соскребали... Саш...

• *Месть Спящей красавицы* •

— Что?

Он нахмурился. История и правда была так себе. И чего это Настя ее вспомнила?

— Саш, мы тоже, да?

И она снова остановилась. Спина прогнулась дугой и дрогнула. Она собиралась зареветь. А он панически боялся женских слез! Ничего так не боялся, как слез женщин. Даже волк когда из чащи вышел на его тропу, а отец где-то отстал метров на тридцать, Саша так не испугался. А вот когда плакали женщины, и особенно Настя...

— Настя! Настя, прекрати немедленно! — хрипло заорал он и пошел на нее. Быстро, как ему казалось. Странно замедленным казался скрежещущий скрип под ногами. Странно замедленным. Он дошел до нее, обхватил сзади, прижал ее спину к своей груди. С силой, которая еще осталась, прижал. И зашептал: — Не смей! Не смей сдаваться, слышишь! Пока мы идем, дышим, мы живы!

— Нас не ищут? Почему нас не ищут, Саня?! Мы идем по самой кромке, тут и снега мало, и деревьев. Нас же видно с воздуха! У меня яркая курточка и штаны. Почему?! Мы... Мы никому не нужны, да?!

Она завозилась в его руках, разворачиваясь к нему лицом. Глянула мокрыми от слез глазами. Тоскливо глянула, нехорошо, без надежды. Совсем худо!

— Девочка моя, ну что ты такое говоришь, а? Нас ищут! Непременно найдут! И даже если и не найдут, то мы сами...

Его голос вдруг сделался глубоким, гортанным, как у мастера горлового пения. Он присутствовал

Галина РОМАНОВА

однажды на празднике у оленеводов, слышал. По-правилось. Никогда не думал, что сможет повторить. И вдруг вышло.

— Что мы сами?

Кончик ее носика — острый, холодный, как льдинка, уперся ему в щеку.

— Мы сами спасемся, Настюша! Мы дойдем до стойбища. Оно совсем рядом! Мне даже кажется, что я чувствую запах дыма.

— Это мы с тобой пропахли, Сашка, — прошептала она и тронула его щеку губами, обветренными, шершавыми. — У нас почти не осталось газа в зажигалке. Почти не осталось.

— Но ведь осталось же, малыш! На сегодняшний костер нам хватит. А завтра мы уже выйдем к стойбищу! И у нас с тобой еще — о-го-го — целая пачка печенья! Живем! — Он теснее прижал ее к себе, задышал ей в лицо, пытаясь отогреть щечки. — Все будет хорошо, слышишь? Верь мне! Мы спасемся!

— Да. Я верю.

Она зажмурилась и странно блаженно улыбнулась. И вдруг обмякла в его руках и начала оседать.

— Настя! Настя, нет! Не надо, держись! Я прошу тебя! Нужно идти, девочка! Стой!!!

Она слышала его заполошный крик как сквозь вату. Вернее, как будто бы она закрыла голову подушкой, при этом кутаясь в пуховое одеяло, как в кокон. Было тепло, почти жарко и душно, но отчаянно не хотелось из этого кокона вылезать. И звуки, жившие поверх толстой большущей подушки, казались глухими и непонятными. И не разобрать

• *Месть Спящей красавицы* •

было, кто на кого кричит: отец на Свету или Света на отца? И совсем казалось неважным, кого они обвиняют в своих семейных непонятках. Либо работа отца виновата, либо Светкина придирчивость. Либо то и другое, вместе взятое. Когда подушка запаздывала падать ей на голову, то Насте доводилось слышать обвинения и в свой адрес. Орала все больше Светка, обвиняя Настю...

Подушка благополучно глушила то, чем конкретно Настя ей не угодила. И звуков бьющейся посуды не бывало слышно. А осколки наутро в мусорном ведре находились. Странно...

Сейчас, она это отчетливо понимала, спасительной подушки не было. Но Сашка орал все равно невнятно. Ее мотало из стороны в сторону. Какая-то грубая посторонняя сила. Но больно не было, нет! Было хорошо, покойно. И вдруг тепло. Да, стало так тепло, так славно. Она словно очутилась в ванне, полной горячей воды. Поверх плавали мохнатые хлопья душистой пены. Светкина блажь! Она кучу денег тратила на эту пену, выписывая ее по каталогу из Франции. А зачем? Вся эта пена потом ключьями повисала на кафеле, и Насте приходилось ее смывать. Почему Насте? Потому что Светка не считала нужным или могла умчаться из дома, вовсе забыв слить воду. Настя сердилась и, невзирая на запрет, нарочно лила ее дорогую французскую жижу себе в ванну. И не находила в этом ничего особенного. Никогда.

Но сейчас...

Плотная ароматная пена обволакивала ее тело, она согревала ее, убаюкивала. Ум-мм, блаженство!

Галина РОМАНОВА

Не нужно было заставлять себя идти все время вперед. Не нужно было считать шаги, дающиеся с каждой минутой все труднее и труднее. Не нужно было проклинать унты, сделавшиеся почти неподъемными. Можно было просто лежать в горячей воде, прятать лицо в ароматной пене и слушать Сашкино дыхание: судорожное, обжигающее. И улыбаться его словам: нежным, славным, обещающим. И она даже поверила на какой-то миг, что все будет у них хорошо. Их спасут, они всю жизнь проведут вместе и будут безгранично счастливы, до тех пор, пока плотная черная масса небытия не поглотит их. Плотная черная масса, надвигающаяся все стремительнее и стремительнее, давящая на грудь, плечи, ноги, забивающая нос, мешающая дышать.

Ну вот и все, озарило ее как вспышкой молнии, это и есть конец всему...

ЧАБА 2

Город, в который он приехал, не был крохотной точкой на карте. Его там вообще не было. Он так подзревал. И провинциальным этот городок назвать было невозможно. В провинциальном, по его разумению, проживало тысяч тридцать человек, никак не меньше. Там должны были быть какие-то фабрики или хотя бы один, но крупный завод. Школы, больницы, детские сады. Магазины, аптеки и отдел полиции, куда он был направлен после окончания школы полиции. А тут что?

• *Месть Спящей красавицы* •

Ни заводов, ни фабрик, ни школ, ни больниц. Все это существовало, но за границами этого захолустья, гордо именующего себя городом! Весь живущий тут народ — все пять с половиной тысяч — ездил за тридцать верст в школы и больницы, на фабрики и заводы. На все захолустье имелось три магазина, четко расположенных на равной удаленности друг от друга. А отдел полиции...

Саша Говоров с тоской осмотрел одноэтажное здание, выкрашенное в мрачный фиолетовый цвет. Пыльные окна за решетками, щербатое бетонное крыльцо, подтекающий в дождь козырек над железной дверью. Тщательно выметенный, укатанный в асфальт дворик с двумя служебными автомобилями. С десяток чахлах деревьев неизвестной Саше породы. Внутри здания пять кабинетов. Начальника, заместителя, участковых, инспектора, выдающего лицензии на право ношения оружия, и кабинет сотрудников уголовного розыска.

В последнем разместился он. Один! И вообще в каждом кабинете было по одному сотруднику. Хотя штатное расписание и предполагало еще двух участковых и еще парочку коллег в помощь Саше. Не было! Не было больше никого. Никто не шел работать в этот отдел, потому что никто не ехал в этот, с позволения сказать, город!

А он вот приехал. Не по своему желанию, конечно. По приказу. Или по чьей-то злой воле. Ему сразу выделили кабинет с пыльным столом и полками. Сводили в подвал, где размещался сейф с оружием. Показали в торце длинного, как кишка, коридора

Галина РОМАНОВА

камеру предварительного заключения с толстыми стенами, толстой железной дверью и без окна.

— Круто! — качнул он тогда головой и подергал дверь, та не шелохнулась. — Отсюда не сбежишь!

— Укрепили, — подмигнул ему замначальника. — Пришлось. Два года назад был побег, был...

Кто отсюда мог бежать и почему попался, Саше оставалось только догадываться, поскольку ничего, кроме протоколов о пьяных дебошах приезжих строителей, ремонтирующих мост, в подшивках с делами не нашел. Ничего! Получалось, что в этом странном городе никто ничего не крал, никто никого не оскорблял. И, тьфу-тьфу, никто никого не убивал никогда.

— Странное место! — пожаловался он тем же вечером коту Спиридону, прибившемуся к его холостяцкому жилью в первый же день. — Странное, таких не бывает, Спиря!

Кот, сжавшийся в комок возле Сашиних форменных ботинок, глянул на него и тут же зажмурился.

— Может, ты что-то знаешь, а, Спиридон? Может, что-то такое, о чем мне тоже надобно знать?

Саша застыл с ложкой у рта, с которой свисала длинная нитка домашней лапши, приготовленной соседкой.

Та сразу навязала Саше свои услуги по ведению хозяйства и отказа слышать не хотела.

— Возьму недорого! — отрезала она. — Не обедаешь! Тебе все равно тут тратить некуда. Да и один ты...

• *Месть Спящей красавицы* •

Но у него вдруг сразу появился кот Спиридон. Не вошел, ввалился в его тесную деревенскую избу с улицы — тощий, лохматый, с неправильно сросшимся хвостом, сломанным, видимо, в какой-то драке. Все обошел, обнюхал и сразу расположился возле Сашиных ботинок. Сжался в комок и зажмурился. Будто всем своим видом давая понять: все, я тут жить теперь стану. И никаких возражений быть не должно.

Саша спорить не стал. Он еще по соседке понял: спорить с местными жителями бесполезно. И зажили они с котом Спиридоном, как в той сказке: тихо, мирно, без проблем. Утром кот, позавтракав вместе с хозяином, провожал его на работу до покосившейся калитки. В обед, а Саша обедал дома, благо идти было недалеко, и вечером встречал его. Доводил его до кухонного стола, где уже заботливой соседкой все было накрыто. Ключи она у него затребовала сразу.

— Стану я твоих выходных ждать, чтобы избу вымести, как же!

Саша не спорил. Вручил ей вторые ключи и так обнаглел к третьему месяцу своего пребывания в этом захолустном городишке, что даже перестал убирать и мыть за собой посуду. Знал, Марина Ивановна все приберет и вымоет.

— Небось не останешься у нас насовсем-то? — спросила она как-то, протирая огромное старинное зеркало в единственной Сашиной комнате, где кроме зеркала и шкафа со столом уместился еще и широкий диван, на котором он спал.

Галина РОМАНОВА

— В смысле? — Он читал что-то в компьютере и почти ее не слушал.

— Ты же тут на год? На два?

Марина Ивановна обернулась на него от зеркала, в котором сквозь мутные разводы отражалась ее громоздкая нескладная фигура, облаченная в синий рабочий халат.

— Я? — Саша почесал макушку, вздохнул. — Надеюсь, что на год.

— Вот-вот. А потом куда?

А потом он надеялся вернуться в свой родной город, из которого удрал сначала в армию, а потом, не возвращаясь, сразу поступил в школу полиции.

— В Москву небось?

— Почему в Москву?

Он нетерпеливо скосил взгляд на монитор. Там было интересно, а Марина Ивановна его отвлекала.

— Вы все в Москву рветесь! — вздохнула она и снова принялась возить тряпкой по старому зеркалу. — И сын мой туда смылся, как только школу окончил. И невеста его следом за ним. Одна я тут. Внук приезжает раз в пять лет. Что это?! Хорошо, что хоть фирма у него своя там, у сына-то. Невестка дома сидит. Кобыла... Внук молодец! Досрочно школу окончил и сразу на второй курс университета математического поступил. Голова... Жду к зиме на каникулы. Ой как жду! Уже тушенки ведро наварила, законсервировала.

Саша невольно покосился. Спрашивать у Марины Ивановны, из чего та готовит тушенку, постеснялся. Ясно из чего! Из чего и все! Из мяса, добытого

• *Месть Спящей красавицы* •

браконьерами. Их тут пруд пруди. Валят подряд без разбора: лося, кабана, косулю. И потом продают своим. Участковому и начальнику, конечно, за так отдают долю.

Для него это было не ново. На его родине жили так же. Потому что надо было как-то выживать местным.

Как-то... Выживать...

Это слово он ненавидел. Оно всегда будоражило в нем воспоминания. Болезненные, мутные, отдающие свирепым холодом и чудовищным скрипом снега под ногами.

Он-то выжил, а Настя нет! И мать его не выжила. Сначала слегла от переживаний, что Саню затаскали по следователям, подозревая в убийстве Насти. Потом, когда он решил не возвращаться из армии и поступать, и вовсе затосковала, и померла.

А он, сволочь такая, выжил! А Настя и мать нет!..

— Тушенки-то страсть сколько скопилось. Тебе-то некому послать домой? Я бы продала по дешевке, — пробился сквозь болезненный туман в голове монотонный голос Марины Ивановны. — Некому послать-то?

— Некому, — хрипло отозвался Саша и сгорбился за столом. — У меня никого нет.

— А что так? — изумленно всплеснула Марина Ивановна руками, развернула тряпку, отыскивая место посуше, и снова принялась мотать ею по зеркалу. — Ты глянь какой пригожий у нас! Али девонька не нашлась?

— Девонька не нашлась... — прошептал он и зажмурился.

Галина РОМАНОВА

Черт бы побрал эту Марину Ивановну с ее болтовней! Он запретил себе думать о том дне, когда его нашли оленеводы. Едва живого. Одного. Он запретил себе думать об этом. И не думал. Просто жил. Ел, спал, дышал, говорил, иногда улыбался. Правда, редко. Но о том дне не вспоминал. Потому что было больно, потому что было страшно. Потому что невозможно было представить, что сделали с Настей дикие звери, если это, конечно, они утащили ее из их укрытия той последней ночью, которую они провели в сопках. А не она сама ушла куда-то и сгинула. Провалилась в глубокую яму и замерзла.

— Девонька не нашлась, — именно так шептали ему в спину, когда он шел по улице в своем городе. — Он вон, жеребец, что ему! А девонька так и не нашлась...

Этот шепот рвал ему душу в клочья. Колол острыми иглами в сердце, в мозг, в каждую клетку. Он возвращался домой и выл, корчась в постели. Рвал зубами кожу на ладонях в кровь и выл. Несколько шрамов так и осталось. Мать всерьез опасалась, что он сойдет с ума. Да только сама сошла в могилу.

А девонька так и не нашлась. Ни следа, ни намек на след. Ни клочка одежды, а на ней в тот раз был лыжный пуховый костюмчик. Яркий, нарядный. Светка, жена Настиного отца, заказала себе по каталогу откуда-то из-за границы, да не вошла в него. Нехотя отдала Насте. И она его на лыжне и катке не трепала, надевала по редким случаям. В тот день случай был особенный. Они собрались на день рож-

• *Месть Спящей красавицы* •

дения к Сашиному другу в соседний район. На Сашином снегоходе. Настя и нарядилась. Правда, Саша заставил ее обуть унты, заставил снять нарядные сапожки.

— На первом километре очоуришься, — проворчал он, сел перед ней на колени и расстегнул молнию на сапожках. — Давай, малышка, не упрямься.

— И что я там, по городу, в унтах гулять буду? — Настя надула губы, но переобуть себя позволила.

— День рождения в доме. Туфельки ты с собой взяла, платьишко тоже. Переоденешься. — Он пощекотал ее ступни в шерстяных носочках и втиснул в олени теплые унты. — Так-то лучше...

Ее пакетик с платьицем, туфельками и тонкими колготками был потом найден вместе со снегоходом. Сломавшимся снегоходом. В тридцати километрах от того места, где нашли едва живого Сашу.

Они прошли с Настей тридцать километров. И не дошли до стойбища оленеводов всего чуть-чуть. Всего два с половиной километра. Они бы непременно дошли, но Настя...

Она обессилела, она сломалась. Она остановилась, а останавливаться было нельзя. И все, конец.

— Зачем ты повел ее в ту сторону, урод? — брызгал потом слюной Саше в лицо Настин отец. — Зачем ты повел ее в ту сторону? Город же, в который вы собирались, совсем в другой стороне!

Это так. Они просто заблудились. И ушли в другую сторону. И их там не искали. Спасатели, охотники, волонтеры прочесывали сопки в направлении

Галина РОМАНОВА

соседнего районного центра. И вертолет там же летал. А они в это время замерзали. В двух с половиной километрах от оленеводов. И просто чудом оказалось то, что одному из них выпала блажь в тот день поохотиться. И его собака наткнулась на Сашу. И он остался жив.

А девонька так и не нашлась. Передислоцированные в другом направлении спасатели ее не нашли. И охотники тоже. Ни единого следа. Ни клочка одежды. Настя просто сгинула.

Но Саша узнал об этом почти через неделю. Когда немного оправился от болезни, вызванной переохлаждением. И это было еще ужаснее, чем ярость Настиного отца, чем впоследствии болезнь матери.

— Насти нет с нами и больше никогда не будет...

Эти слова долгое время снились ему, и он просыпался с криком в холодном поту. Каждый новый сон бывал разным, и люди в нем бывали разными, и события. Но слова, которыми обрывался его сон, всегда оставались одними и теми же.

— Слышь, лейтенант Говоров, — откачнулась от зеркала Марина Ивановна, прищурилась, — принимай работу, что ли.

— Все отлично, спасибо, — он улыбнулся.

Марина Ивановна как только его не величала.

— Вот и ладно.

Она побросала тряпки, стеклоочиститель, мокрую губку в ведро. Подхватила его и вразвалку двинулась к двери. Нелюбезно отодвинула ногой, обутой в старую растоптанную туфлю, Спиридона. Тот со вздохом подался в сторону.

• *Месть Спящей красавицы* •

— Саня, ты не кручинься, — вдруг проговорила Марина Ивановна, хватаясь за дверную ручку. — Все будет у тебя хорошо в жизни, поверь.

— Спасибо, — он кивнул, попутно подмигнув обиженному коту. — Будем надеяться.

— Надейся! Непременно надейся! — выпалила она и шагнула за порог. — Хорошим людям непременно везти должно. А ты хороший парень. Кишками чую, что хороший. Все будет хорошо, верь мне... Повеет тебе... И твоя девонька найдет тебя...

Он вздрогнул и побледнел то ли от ее слов, то ли от того, с какой силой Марина Ивановна шарахнула дверь. Уставился на эту дубовую дверь, выкрашенную охрой, за которой пожилая женщина только что скрылась. И едва сдержался, чтобы не заорать ей вслед.

Что вот она, а?! Что вот она только что сказала? Зачем? Что нервы-то ему мотает, старая карга?

Он захлопнул крышку ноутбука, уставился за окно, мимо которого старой ладьей проплыла Марина Ивановна. Крупное тело, большая голова, или просто казалась большой из-за пышной седой шевелюры. Острый нос и тонкие губы. В городке ее побаивались и не любили. И участковый, тщательно подбирая слова в разговоре с Саней, посоветовал быть с ней поосторожнее.

— А что такое?

— Да болтают о ней всякое.

Участковый Валера, молодой, неглупый, крепкий малый, строивший себе где-то на окраине дом и собирающийся вот-вот обзавестись ребенком,

Галина РОМАНОВА

вдруг трусливо вжал голову в плечи и суеверно перекрестился.

— Болтают, что она на черную мессу в соседний город ездит время от времени!

— Куда-куда? — вытаращился Саша и через мгновение фыркнул. — Ты это... Валер, думай, когда повторяешь за бабами всякий вздор!

— Не веришь? — Валера обиженно поджал губы. — А зря! Я вот лично... Я вот лично ничего не боюсь! В рукопашную на медведя пойду. А этой вот хрени всякой демонической не переносу. Знаешь почему?

— И почему?

— Потому что нет этому никакого объяснения! Никто не взялся объяснить, ни один ученый. Мямлят только и головами качают. А объяснить — хрена!

Саша Говоров вырос в тех местах, где у каждого охотника был свой бог и свой дьявол. Видел и слышал шаманский бубен. И странным пением их был пленен и очарован. Но не более. Ни разу не видел он чудес. Ни разу они не случились. И сколько ни бил в свой бубен один из местных шаманов, пытаясь пробудить дух Насти и спросить у нее, как она погибла, ничего у него не вышло.

— Не вижу ее в мире мертвых, — выпалил запыхавшийся в своем изнуряющем танце шаман. — Не вижу...

— Она ничего мне плохого не сделала, Валера, — ответил Саша в ответ на предостережения участкового. — И крест православный она носит. Какие черные мессы? О чем ты?

• *Месть Спящей красавицы* •

— Ну не знаю, — заявление коллеги о кресте на груди ведьмы его озадачило. — Болтают всякое...

Честно? Он сейчас был готов догнать эту неуклюжую большую женщину в синем рабочем халате, упасть перед ней на колени и заставить отслужить эту чертову мессу, хотя бы для того, чтобы узнать — что стало с бедной Настей? Что?

ГЛАВА 3

Струи дождя ползли по стеклу его веранды как длинные, прозрачные, мерзкие черви. Когда он издохнет, возможно, под землей его будут обгладывать именно такие. Нет, надо будет все же распорядиться, чтобы его кремировали, когда он издохнет. И чтобы его прах развеяли над горами. Может, тогда появится шанс встретиться там с любимой погибшей доченькой?

Сафронов Илья Гаврилович завозился в глубоком удобном кресле, натягивая плед до самого подбородка. Со вздохом закрыл глаза, чтобы не видеть непогоду, выедающую ему печень. И постарался погрузиться в дремоту.

И считал, и молился, и напевал про себя. Не вышло задремать, хоть издохни! Все лезут в голову мерзкие мысли о скорой кончине и лезут. А ведь не болен, нет. И силен по-прежнему, невзирая на свои шестьдесят. И в бизнесе все тип-топ, и с бабами. Чего тогда хандра накатила? Погода?

Погода в самом деле мерзостная. Льет вторую не-

делю. Земля набухла. Кажется, еще немного, и корни деревьев к хренам собачьим вымоет, и сосны с кедрами можно будет дергать из земли, как сорняки. Ходить по его участку и дергать, и выбрасывать за трехметровый забор. И останется тогда тут пустошь — черная, рыхлая, с глубокими дырками в тех местах, где когда-то произрастали деревья. И дом этот огромный и уродливый останется. Напоминанием останется о том дурне архитекторе и его команде строителей, благополучно похороненных много лет назад в глубокой расщелине.

Царствие им...

Илья Гаврилович лениво обмахнул себя крестным знаменем под пледом, не испытав ровным счетом ничего. Ничего, кроме веселого удовлетворения.

Нет, ну а как? Спроектировали и построили, прости господи, ерунду непонятную, а потом еще и денег запросили. Мало того, угрожать судом посмели! Мы, говорят, вам, господин Сафронов, устроим неприятностей! Чудаки, прости господи. Какие же чудачки!

А он что? Он спорить не стал, он им покивал, улыбался и отправил следом своих надежных ребят. Они их тачку и столкнули в пропасть. В ту, что понадежнее и поглубже. В ту, откуда не выбираются.

Сафронов вздохнул, приоткрыл левый глаз и осмотрел веранду. Добротные колонны, узкие простенки, стрельчатые окна, дубовый пол, отполированный до зеркального блеска. Тяжелая темная мебель. И ни единого растения.

• *Месть Священной красавицы* •

— Я тут один дышать желаю! — рявкнул он как-то на дочь и вышвырнул в окно цветочный горшок.

Больше попыток она не возобновляла, покорившись его воле. Она вообще была покорной — эта дочь. Та, другая, что сгинула в горах, была норовистой и упрямой гордячкой. Как ее мать! Эта была тихой и покорной.

Вспомнив о ней, он тут же подумал, что не видел ее уже часа три. И сразу забеспокоился. Сбросил с себя теплый плед, в который кутался, намереваясь подремать под шум дождя. Кряхтя, выбрался из глубокого кресла. Сделал шаг, другой, прислушиваясь к хрусту суставов. Поморщился: пыжься не пыжься, а шестьдесят дают о себе знать. Потянулся с протяжным зевком. А потом рявкнул:

— Эльза! Элизабет, где ты?

Девушка, читавшая в этот момент книгу на балконе второго этажа, вздрогнула и выпрямилась в кресле — точно таком же, из которого только что выбрался ее отец. Рассеянно и привычно подумала: что за имя такое идиотское — Эльза? У отца, между прочим, одну из собак так кличут. Может, потому он нарочно и коверкает ее имя, называя Элизабет? Чтобы не перепутать с собакой? По паспорту-то она Эльза. Эльза Ильинична. Бесподобно! Чем это она так прогневала свою мать во чреве, что та завещала назвать ее этим именем? И кого, интересно, раньше называли: ее или собаку?

Все это пронеслось в голове стремительно, еще до того, как она успела свесить ноги с подлокотника,

Галина РОМАНОВА

куда всегда их задирала, читая. Пронеслось и скрылось где-то в черном омуте ее сознания.

Ее сознание в самом деле было черным омутом — глубоким, почти бездонным, с колышущейся на поверхности плотной нефтяной пленкой, сквозь которую не пробивалось ничего.

Она ни черта не помнила! Вообще! Как они все троим полезли в горы: отец, она и ее старшая сестра Ольга. Как сорвалась и погибла Ольга. Как бесновался от горя на краю пропасти отец, и как она страшно мерзла в том ледяном плену, дожидаясь вертолета, вызванного отцом. Потом у нее была страшная истерика, затем она впала в депрессию и ее долго лечили. Почти год. Кое-кто из домашних сплетников втихаря утверждал, что она так и осталась чокнутой после гибели сестры. И не помогли ни дорогостоящие лекарства, ни еще более дорогостоящие доктора.

Эльза ничего не помнила из своего прошлого. Ничего! Ее жизнь началась десять лет назад, когда ей исполнилось пятнадцать и когда она очнулась на койке в одной из закрытых клиник Швейцарии. Оттуда начался отсчет ее настоящего. Прошлого не было.

Отец иногда забывался и принимался балагурить, что-то рассказывать о ее смешном детстве, как она чудила на пару с сестрой и доводила их няню почти до обморока. Потом ловил ее отстраненный пустой взгляд, озадаченно кричал и замолкал. А после напивался. И привозил в дом шлюх. Эльза в такие отвратительные дни перебиралась в гостевой домик. Но и там были слышны визгливые стоны дешевых баб.

• *Месть Спящей красавицы* •

— Эльза! Эльза, девочка моя, где ты?!

Голос отца стал громче. Но в нем не было тревоги. В нем была только злость. Злить его не стоило. Эльза встала с кресла, одернула теплое домашнее платье, вдела ноги в домашние мохнатые сапожки и пошла на зов. Книгу она оставила в кресле, чтобы отец не видел. Он не любил, когда она читала.

— Делом надо заниматься, дочка. Делом! У меня империя, понимаешь! Кому я это все оставляю?! Кому?! Зятю голожопому?!

Эльза морщилась при упоминании о зяте. Она не хотела замуж точно. И отец об этом знал. И оставил попытки таскать в дом перспективных молодых людей.

— Коли ты у меня такая убогая, — вздыхал он, обводя дочь тоскливым взглядом, — и не понимаешь своего счастья, ищи тогда сама себе избранника.

— Это подождет, — сдержанно улыбалась Эльза.

— Тебе уже двадцать пять, дочь моя! — пытался он возмущаться. — Пора, детка, пора!

— Это подождет, — и Эльза по-отцовски упрямо склоняла голову к левому плечу.

— Тогда в дело вникай. Слышишь? Я же не могу все это нищим раздать! — и отец поводил вокруг себя мощными руками. — Это все годами наживалось. Десятилетиями!

— Хорошо, вникну, — обещала Эльза и снова натянута улыбалась.

Честно? Она ненавидела его бизнес. Не сам бизнес, а именно его! Все там было как-то неправильно. Как-то все не так там делалось. Не так, как ее учили

Галина РОМАНОВА

в заграничном университете. Деловые партнеры, которые устраивали ее отца, были похожи на уголовников со стажем, хотя и рядились в дорогие костюмы и туфли ручной работы. А те, что имели вид приличный и цивилизованный, вскоре переставали быть его партнерами. О них Эльза потом вообще никогда ничего не слышала.

— Эльза! — снова заорал отец, стоя к ней спиной на веранде. — Где ты?! Иди сюда, немедленно!

— Папа, я здесь, — тихо отозвалась она от дверей.

— О господи! — Он нервно дернул шеей и обернулся.

Оглядел дочь, скорчил неодобрительную гримасу.

— Что ты вечно как привидение подкрадываешься! — тут же поспешил он возмутиться, кивком указал на ее обувь. — Что на тебе опять надето, черт возьми?! У тебя одежды две комнаты! А ты ходишь как оборванка.

— Я же дома, — тихо возразила она.

— И что?! Дома надо выглядеть пугалом?!

— Я? Пугало?

Эльза поймала свое отражение в темном стекле одного из шкафов. Высокая, великолепно сложенная, длинноногая, густые русые волосы рассыпались до поясницы. Идеальной формы руки, красивое породистое лицо с пухлым ртом, голубыми глазами, точеным носиком.

И это она-то пугало?

— Пап, по-моему, ты того, немного несправедливо мне, — она обиженно засопела, как маленькая девочка, собиравшаяся зареветь.

• *Месть Священной красавицы* •

— Ну... Ладно, ладно, не сопи, — проворчал он и примирительно раскинул руки. — Иди ко мне, моя малышка.

Эльза медленно подошла, со вздохом пристроила голову на его мощной груди, осторожно обняла. Она всегда так его обнимала. Сколько себя помнила. А помнила она себя только десять лет.

— В общем так, малыш...

Отец погладил ее по голове, поиграл ее локонами, понюхал зачем-то, он всегда так делал. С самого ее детства. Потом легонько шлепнул по попке, отстраняясь.

— У нас сегодня будут гости.

По тому, как именно отец это сказал, Эльза поняла, что визит для него очень важен. И насторожилась.

— Так. И?

— Будет один бизнесмен. Весьма, весьма влиятельный господин. У него выходы о-го-го куда! — отец проткнул толстым пальцем воздух у себя над головой.

— Небожитель, что ли? — насмешливо фыркнула Эльза.

— Не язви, малышка, не язви, тебе не идет, — прикрикнул на нее отец и снова оглядел оценивающе. — Тебе нужно привести себя в порядок.

— Я в порядке, папа, — кивнула она и шагнула к дверям, ведущим с веранды.

— Я сказал, в порядок! — взревел отец.

Догнал ее, схватил за руку, развернул на себя. Тут же второй рукой взлохматил ей волосы.

Галина РОМАНОВА

— Это значит, что должна быть прическа, макияж, хренаж и все такое! И платье! — Его сильные руки вцепились в ее подол и принялись трепать из стороны в сторону. — И платье должно быть нормальным! Красивым! А не это рубище! Поняла меня?!

— Да, папа.

Она не нервничала. Она привыкла к его грубости. Ну, был он таким, что сделаешь! Ее-то он любил. Очень любил! Она единственная, оставшаяся в живых из их семьи. И грубость его сейчас была вызвана ее тихим упрямством. А это его бесило еще больше. Он ей счастья желает, а она...

— Я оденусь, причешусь, — пообещала она и поцеловала его в нос, поднявшись на цыпочки, отец был просто великаном.

— Вот и умница, — он в ответ чмокнул ее в лоб. И извиняющимся голосом добавил: — Этот человек важен для меня. Это для нас с тобой новый уровень, малыш. Это Москва! Это город власти, денег и возможностей. Хватит тебе уже тут сидеть, в этой глуши. И...

— А мне дома нравится, — перебила она его с улыбкой и пошла прочь, но вдруг решила уточнить: — А он что же, старый, пап?

— Кто? — Сафронов думал уже о чем-то своем и не сразу понял.

— Ну, этот, с кем ты меня хочешь познакомить? Он очень старый?

— Почему ты так решила? — он неожиданно развеселился. — И что в твоём понятии старый?

— Ну-уу, лет пятьдесят, шестьдесят.

• *Месть Спящей красавицы* •

— Ого! — Он громко рассмеялся, запрокидывая громадную, как у медведя, голову. — Это отец у тебя, получается, тоже старый?

— Нет, папка, ты молодой! — Эльза покраснела, поняв, что ляпнула не то. — Ты всегда будешь молодым для меня!

— То-то же, — он оборвал смех. — Нет, малыш, конечно же, я не собираюсь тебя отдавать в руки старому пердуну. Этот бизнесмен придет с сыном.

— А сыну сколько?

— Тебе ровесник. Или даже чуть помладше, — отец почесал затылок, припоминая. — Не помню, а он ведь говорил, сколько лет его пацану-то... Да неважно. Важно, что парень хороший.

— Также бизнесмен?

— Нет, в том-то и дело! — оживился отец. — Он как раз в твоём вкусе. Также умник хоть куда! Он математик. Школу экстерном окончил. Сразу на второй курс университета поступил.

— Ботан? — сморщила носик Эльза.

— Нет. Красивый, спортивный. Увидишь сама. Главное, не подведи меня, хорошо? Не так, как в прошлый раз.

И он сразу нахмурился, сведя густые брови на переносице. В прошлый раз вышел конфуз. В прошлый раз, где-то полгода назад, Эльза просто встала в разгар светского якобы разговора, последовавшего после ужина, и ушла к себе. Даже забыла извиниться. Но ее, честно, тошнило от ужимок милых дам, сопровождавших местных миллионеров. Просто тошнило!

Галина РОМАНОВА

— Хорошо, я обещаю, — кивнула она и добавила со вздохом: — Все будет хорошо, пап. Вот увидишь.

— Я это... — отец виновато сморщил лицо. — Неле позвонил.

— Зачем? — ахнула она.

— Чтобы она помогла тебе со сборами. Она же стилист.

И попутно твоя шлюха! И попутно мерзкая дрянь, роющаяся в вещах и драгоценностях Эльзы! И попутно жуткая сплетница, сочиняющая небылицы про Эльзу на кухне, когда прислуга, заискивая, потчует Нельку чем-нибудь вкусненьким. А пожать та любила.

— Ну папа! Ну зачем? — простонала Эльза и пошла прочь.

— Будь готова к восьми! — рявкнул отец ей в спину. — Неля приедет к пяти!

Сейчас не было еще и полудня, значит, есть время прогуляться.

Эльза вернулась на балкон, сцапала свою книгу с кресла, иначе исчезнет без следа, если попадетя на глаза отцу. А книга была интересной, умной, про подавленные воспоминания, вызванные глубоким стрессом. Эльзе было интересно ее читать, познавательно. Читать и попутно рыться в своей голове, соответствует, нет, описаниям.

Отцу это сто процентов не понравится. Он давно повелел оставить все ее мозгокопания, как он это называл, докторам.

— Я им за это, дочка, такие бешеные бабки плачу! — восклицал он каждый раз, когда дочь прини-

• *Месть Спящей красавицы* •

малась задавать ему всякие умные вопросы. — Пусть обрабатывают, обрабатывают...

Но Эльза считала, что эти самые его хваленые доктора за такие бешеные бабки станут лечить ее всю оставшуюся жизнь, и не вылечат, лишь бы источник их доходов не иссякал.

Особенно противным она считала их семейного психолога Ерофеева Андрея Сергеевича. Отвратительной неприметной внешности мужик сорока лет, с отвратительными вкрадчивыми манерами и не менее отвратительной способностью угадывать каждый раз то, о чем Эльза думает. И еще он презрительно беззвучно смеялся, мелко сотрясаясь своим тщедушным телом. И еще имел обыкновение незаметно появляться и так же незаметно исчезать.

Так вот, если он увидит книгу, которую читает Эльза, он непременно доложит об этом ее отцу, а тот начнет сразу психовать, и коситься на дочь неодобрительно, и задавать всякие неудобные вопросы.

Книгу надо спрятать.

Эльза прошла к себе в комнату. Правильнее, в одну из трех комнат, которые ей принадлежали на втором этаже.

В одной располагалась просторная спальня. Она ей не нравилась обилием темных тонов и позолоты. Там же была огромная ванная комната с громадной, как бассейн, ванной, множеством полочек и шкафчиков, забитых баночками, скляночками и флакончиками с разными кремами, духами, гелями, муссами. Эльза к ним почти не прикасалась. Благодарила природу и родителей за идеальную гладкую кожу,

Галина РОМАНОВА

густые волосы и благополучно обходилась малым набором косметических средств.

Другая комната была ее гостиной. Здесь она любила бывать. Кремового оттенка шторы, ковер на полу, светлая мебель, кофейного цвета стены. Книжные полки, огромный телевизор, стереосистема, компьютер.

Третья комната была гардеробной, где в шкафах висели дорогие платья и костюмы, но туда она заходила редко.

И сейчас не пошла, свернула в свою гостиную. Остановилась у книжных полок, выставила стопку книг, спрятала ту, что читала, у задней стенки, вернула книги обратно. Села в угол дивана и взяла в руки пульт от телевизора. Близились времена новостей...

ШАБА 4

— Виктор Егорович, все готово, можем ехать, — водитель Вова остро глянул из-под козырька холщовой кепки на хозяина, коротко кивнул. — Все в порядке, Виктор Егорович.

— Все в порядке, все в порядке... — отозвался Ганьшин брюзгливо и одернул рукава легкого пиджака. — Кто, скажи мне, Вова, нанял на работу эту стюардессу?

— Ниночку? — уточнил на всякий случай Вова, поскольку стюардессы менялись каждый месяц.

— Ниночку, Ниночку! — фыркнул хозяин. — Она же дура, Вова! Полная дура! — И тут же передраз-

• *Месть Спящей красавицы* •

нил, некрасиво сморщив лицо: — Вы омлет с курицей будете или без курицы? Без яиц, твою мать!

Вова вежливо похихикал, поскольку хозяин так шутить изволили.

— Смейся, смейся, Вова! Еще раз такую дуру найдешь, я тебя без яиц оставлю! Понял?!

— Так точно, Виктор Егорович.

Вова подавил раздраженный вздох. С этими стюардессами была просто беда. Что ни вылет, то новую ему подавай. Все не так, все не нравится. Девочки все дуры, уродки кривоногие. Он бы и пилотов менял — Виктор-то Егорович, — да больно за жизнь свою боялся. А пилот Сергей был асом с большой буквы. Вот приходилось его терпеть, а на стюардессах отрываться.

А все почему? А все потому, что Виктор Егорович отчаянно боялся летать. Настраивался за неделю. И все равно в пути с ним то желудочные боли приключались, то мигрень, то острый приступ сексуального желания, и он задира л девчонкам юбки прямо в салоне самолета. Девчонки визжали, некоторые сопротивлялись, некоторые плакали и угрожали. Благо самолет был личным и никто, кроме него самого и Вовы, об этом не знал, а так бы что делать?

Сегодня Ниночке немного повезло. Ее не изнасиловали, перегнув через подлокотник сиденья. Ее просто увольняют. Сегодня с ними летел Егорка. И его отцу — Виктору Егоровичу Ганьшину — приходилось держать себя в руках. Скрипеть зубами, мять рукава пиджака потными пальцами и молчать.

Галина РОМАНОВА

— А где Егор?! — Ганьшин запоздало опомнился, закрутил головой. — Вова, в чем дело?! Ты сказал, что можем ехать, а Егора нет! Где он?!

Вова вздохнул, понимая, что сейчас обрушится на его голову. Но не особенно боялся. Хозяин отойдет, хотя и станет грозить ему всеми карами небесными. Без него, без Вовы, он почти ничто.

— Егор уехал к бабушке.

— К бабушке?! — Влажные, черные, как масляные, глаза Виктора Егоровича остановились на Вовином козырьке. — К какой бабушке, не понял?!

— К вашей матери, Виктор Егорович.

Вова исподтишка криво ухмыльнулся. Вот дожид, человеке, про то не помнит, что мать у него тут неподалеку живет. Совсем очерствел со своим бизнесом.

— К моей матери?! — Ганьшин выглядел еще более удивленным, тут же широко раскинул руки, втянул голову в плечи, покачал ею, недоуменно воскликнул: — Но зачем, Вова? Зачем?

— Он ей обещал, Виктор Егорович.

— Обещал! — фыркнул он с такой силой, что на кепке Вовы обозначились два мокрых пятна от его слюны. — Что значит обещал?! У нас деловая поездка! Сколько раз говорить ему, что нельзя путать личное с делом! Никогда нельзя путать. Нельзя расплываться!

— Но вы ведь везете его знакомить с дочкой Сафронова, Виктор Егорович, — напомнил, перебивая его, Вова. — Куда уж более личное дело.

— Ай, брось! — отмахнулся хозяин и сердито на-

• *Месть Спящей красавицы* •

супился, снова вжал голову в плечи так, что уши коснулись воротника пиджака, забрюзжал. — Личное дело! Это такой же бизнес, Вова. И Сафронов это понимает. И я. Ему надо дочку пристроить. Мне сына как бы. И чтобы бизнес не ушел в чужие алчные руки. Егор не алчный, не паскудник. Его дочка, по слухам, тоже далека от всего этого. Не акула, в общем.

— Ага, не акула. Чокнутая малость, а так не акула, — скептически поддакнул Вова. — Ее год в Швейцарии в закрытой клинике лечили. Вы знали? Я узнавал про ту клинику.

— И что? — рассеянно отозвался Виктор Егорович.

Он смотрел в окно на проплывающие мимо знакомые с детства пейзажи и удивлялся тому, что ничего не ворочается в его душе. Ничего! Не щемит, не радуется, не будит воспоминания. Про мать вон даже не вспомнил. Егор вспомнил, а он нет.

— Дурка это, Виктор Егорович. Самая настоящая дурка.

— А чего она там год делала? — без особого интереса спросил Ганьшин и полез во внутренний карман пиджака, где у него хранилась фотография дочки Сафронова. Вытащил, глянул. — Красивая ведь девка, породистая.

— Красивая-то красивая, — кивнул согласно Вова. — И породистая, спорить не стану. Но с башкой у нее не все в порядке.

— В каком смысле? — Ганьшин убрал фотографию обратно в карман. — Чего мелешь-то, Вова?

— Они втроем были в горах, — начал рассказы-

Галина РОМАНОВА

вать Вова, что удалось ему узнать по своим каналам. — Сафронов Илья Гаврилович и две его дочери: Ольга и Эльза.

— А чего они там делали, в горах? — не понял Ганьшин.

— Восхождение совершали.

— Восхождение?! — нараспев удивился Ганьшин. — Идиоты!

Всякий экстремальный вид спорта у него был под запретом. И для него, и для сына, и для жены.

— Вот-вот! И что-то там у них произошло.

— Что?

— Сестры между собой, что ли, переругались или даже подрались. Болтают всякое. Эльза, мол, всегда Ольге завидовала. Ту отец больше любил и больше баловал. Больно, говорят, на покойную мать была похожа. От нее Сафронов просто млеет. А она во время вторых родов померла.

— Н-да... Не повезло девчонке.

И он снова полез за фотографией, снова уставился в небесно-голубые глаза. Сместил взгляд на волосы, плечи, грудь, ноги. Красивая, идеально сложенная. Будто скульптура, честное слово! Глаза вот только печалью странной наполнены. Необъяснимой печалью. Может, потому, что она чокнутая, и взгляд такой?

— Вот-вот! — подхватил Вова. — Сафронов, по слухам, долго к девчонке вообще не подходил. Лет до восьми. Почти не замечал. Потом начал понемногу приходить в себя, принялся воспитывать. А старшая-то и заревновала! То все внимание и лю-

• *Месть Спящей красавицы* •

бовь ей, а тут какая-то пигалица под ногами крутится! Вот у них так все и шло, черт-те как. Отец между дочерьми разрывается, стараясь никого не обделить вниманием. Они, в свою очередь, его между собой делят.

— Дружбы, одним словом, никакой?

— Какая дружба, о чем вы, Виктор Егорович! — присвистнул Вова. — Там вражда была, и еще какая! Гадили, по словам их же няни, друг другу, о-го-го как! Изобретательно гадили, со смыслом. Чтобы в глазах отца очернить друг друга и все такое.

— Ты и до няни добрался! — не мог не похвалить Виктор Егорович и, протянув руку, одобрительно похлопал Вову по плечу. — Ну и чем же все это закончилось?

— Трагедией, — коротко обронил Вова.

— Старшая дочь погибла в горах, это имеешь в виду?

— Не все так просто, Виктор Егорович. — Вова побарабанил пальцами по рулю. — Злые языки утверждают, что это младшая дочка помогла старшей сорваться в пропасть.

— Да ладно! Ух ты! — Карие глаза Ганьшина зажглись недобрым огнем. — И чьи же это злые языки? Верные?

— Черт его знает. Няня молчит. Плечами пожимает. Глаза прячет.

— Ну а кто такой разговорчивый, кто? Не томи, Вова!

— У Сафронова есть баба.

Галина РОМАНОВА

— Удивил! — рассмеялся Ганьшин. — У него, по слухам, их целый полк!

— Нет, эта постоянная. Нелли зовут. Он ее еще девочкой с панели вытащил. Знойная телка, говорят.

— И что же она сплетни о нем распускает? — недоверчиво вывернул губы Ганьшин. — И это при том, что он ее с панели выдернул?

— О нем, нет, она сплетни не распускает. Будто любит его как кошка. Все про дочек его шепчется. Их ненавидит. Вернее, ту, что в живых осталась.

— Ну и? Что это за сплетни?

Виктор Егорович вдруг разволновался так, что вспотел, невзирая на работающий кондиционер. Стащил с себя пиджак, небрежно швырнул на переднее пассажирское сиденье. Раскинул руки на своем сиденье, чтобы на сорочке мокрых пятен под мышками не осталось. Уставился в Вовин затылок.

— Тихо шепчут, что в горах случилась не просто трагедия. Там случилось убийство, Виктор Егорович! — И на мгновение, оторвав взгляд от трассы, мокрой черной лентой петляющей среди громадных сосен, обернулся на хозяина. — Болтают, что Ольга не сама сорвалась в пропасть. Будто это младшая дочка ее туда... Ее туда сбросила.

— Эльза? — уточнил Ганьшин.

— Эльза, — кивнул Вова.

— Та самая, на которой я хочу женить своего сына?

— Та самая, Виктор Егорович.

— Вот эта вот девочка с ангельским лицом и печальными глазами?!

Виктор Егорович поднял с сиденья фотографию

• *Месть Спящей красавицы* •

Эльзы и придвинул ее к Вовиным глазам, загоразживая обзор.

— Так говорят. — Он вежливо отодвинул от себя руку хозяина с портретом будущей невестки. — Будто отец отлучился куда-то на пять минут. Мало ли, может, по нужде отошел. А сестры снова поскандалили. Дошло дело до драки. И Эльза столкнула Ольгу в пропасть. Вот так...

— Ничего себе!

Минуту Ганьшин переваривал услышанное. Потом завертел головой, словно ему жал воротник сорочки. А этого быть не могло, он давно уже расстегнул три верхние пуговицы.

— И поэтому Сафронов упрятал ее в дурку в Швейцарии?!

— Видимо...

— И поэтому никто ее замуж не берет? Все шарашаются? Или как?

— Вот насчет «про замуж» не скажу, Виктор Егорович, — замялся Вова. — По слухам, она сама не очень-то спешит. Ходит, говорят, по дому как привидение и все книжечки почитывает. И образование есть, а работать не спешит. И замуж не спешит. И еще это...

— Что еще?! — фыркнул Ганьшин с чувством, ругая про себя на чем свет стоит Сафронова.

Каков умник! Решил ему подпорченный фрукт подсунуть?! Его Егорке?! Умнику, красавцу, спортсмену?! А как нахваливал свое дитя! Как умиленно нахваливал!

Галина РОМАНОВА

— К девочке этой с ангельским взглядом постоянный доктор приставлен.

— Психиатр, что ли? — скрипнул зубами Ганьшин.

— Ну... Вроде семейного психолога, сейчас ведь это модно. У нашей Елены Ивановны тоже ведь... — напомнил Вова про жену хозяина. — Только...

— Ну!

— Только, по утверждениям все той же Нельки — любовницы Сафронова, это не психолог, а самый настоящий психиатр. И ангела нашего он последние десять лет держит на таблетках. Даже когда она за границей училась, он неотступно при ней находился.

— Ничего себе!

— Вот-вот... И раз в месяц, утверждает Нелли, этот мозгоправ делает девушке капельницу, после которой та сутки не может встать с постели. И глаз не открывает.

— Ничего себе! — Ганьшин провел ладонью по щеке, вспотел все ж таки. Раздраженно вытер ладонь об обивку сиденья. — Ай да Сафронов! Ай да сволочь! И чего же, Вова, теперь делать станем? У меня же с ним большие дела намечаются. Мы очень полезны друг другу. У меня власть, связи, у него деньги! И не просто деньги, а деньжищи! Что делать-то, Вова?!

— Будем посмотреть, Виктор Егорович.

И Вова криво улыбнулся ветровому стеклу. И знал, что хозяин его ухмылку уловил. И все понял как надо. А поняв, сразу успокоился.

Вова все сделает как надо. Он уже начал делать.

• *Месть Спящей красавицы* •

Уже нужные людишки шустрят в Швейцарии, пытаюсь отыскать того врача, который в комнате с мягкими стенками Эльзу год держал. Найдут непременно. А как найдут, Вова туда слетает. И перетрет с мужичком. Не сам, конечно, через переводчика. Но узнает все, что надобно узнать.

И про то, в каком состоянии Эльза поступила к ним десять лет назад. И про то, что в бреду лопотала. Все чокнутые, по мнению Вовы, бредят. А когда бредят, лопочут. Вот он и узнает. А когда все узнает, тогда можно уже и решение принимать.

— Ты это... — Ганьшин вдруг обеспокоенно заворочался на заднем сиденье, прошелся рассеянным взглядом по салону автомобиля. — Давай разворачивайся. Давай тоже к матери заедем, что ли. Давно ждет. Неудобно...

ЧАВА 5

Он добросовестно отбыл рабочее время в ответственном ему кабинете, умоляя судьбу, прости господи, чтобы произошло в их тихом городе ну хоть что-нибудь! Хоть какой-нибудь дебош или кража со взломом. Или пацаны, что ли, подрались бы на детской площадке, не поделив перекладину. Была бы причина выйти из кабинета, размяться. Приложить усилия. Использовать знания.

Когда его направляли на работу в этот городок, то предлагали поработать там опыт. Сначала поработай на земле, наберись опыта, говорили ему, а потом уже...

Галина РОМАНОВА

Какой, к черту, опыт, если город будто уснул. Участковому не досаждали даже приезжие строители, разомлевшие от последней августовской жары, сменившейся ливнями, и расплзшиеся по съемным квартирам.

Может, тихо так перед бурей? Саша в надежде глянул за окно. Небо удивительно чистое, безоблачное. Ветра нет. Деревья неизвестной ему породы, окольцевавшие дворик их полицейского участка, уныло свесили мокрые от утреннего дождя ветки до земли. Тишина...

— Ты идешь? — в его кабинет заглянул участковый Валера и выразительно глянул на часы. — Шестой час уже.

— Иду, — кивнул Саша и полез из-за стола.

Идти домой с Валерой ему не очень хотелось. И честно, он ждал, пока тот уйдет. Валера любил поговорить, любил, чтобы с ним разговаривали. А Саша, убей, не понимал, как можно без конца обсуждать местную жизнь, если ее вообще — на его взгляд — не существовало. И он почти всю дорогу молчал, а Валера обижался. И считал его заносчивым.

Они вышли на крыльцо, Валера с хрустом потянулся, блаженно выдохнул:

— Хорошо-то как!

— Что именно? — поинтересовался Саша.

Он — честно — не понял, что может быть хорошего в мокрой безлюдной улице, простирающейся перед ними, бездарно прожитом дне, проведенном за пустым столом в рабочем кабинете, и в перспективе одинокого вечера.

• *Месть Спящей красавицы* •

Хотя...

Это ему предстоящий вечер обещал одиночество. У Валеры молодая жена имелась. И отсюда — милье семейные хлопоты на вечер, супружеские отношения чуть позже. Не заскучаешь!

Может, стоило прислушаться к советам Марины Ивановны и приглядеться к девушке Лизе, живущей в доме напротив того, в котором квартировал Саша?

Лиза была невысокой крепенькой брюнеткой, хохотушкой, черноглазенькой симпатяшкой — это Валера так ее характеризовал. С великоватой, на Сашин взгляд, для ее роста грудью.

— Извини, Сашок, но ты дурак! — щелкал Валера языком и, растопырив пальцы, выразительно тряс ими перед своей грудью. — Этого добра бабе много не бывает! Поверь мне, чем больше, тем лучше!..

Может, все же стоило к ней присмотреться, а? Может, что-нибудь и вышло бы у них?

— Что хорошо-то? — переспросил Саша, отвлекаясь от мыслей о Лизе.

— Рабочий день закончился, домой иду, — недоуменно вытаращился Валера. — Чего плохого-то?

— А-а, только это.

— А этого мало? — Валера свойски положил ему руку на плечо, проникновенно глянул в глаза, сдувая со лба длинную неуставную челку. — Поверь мне, Санек, иногда это все, что нужно человеку для полного счастья.

— Что именно? — он незаметно дернул плечом, сбрасывая с себя руку участкового.

Галина РОМАНОВА

— Рабочий день, который прошел спокойно, — кивнул себе за спину Валера. — Тихий семейный вечер с любимой женщиной. Ты чё, в самом деле этого не понимаешь?

— У каждого свое представление о счастье, знаешь! — фыркнул Саня и тут же угадал, что скажет сейчас Валера. — И не думаю, что Лиза способна сделать меня счастливым.

— А кто? Кто тогда? — Глаза участкового наполнились нездоровым любопытством, он даже приостановился. — Ты, случайно, не из этих?..

— Нет. Не из них, — сдержанно улыбнулся Саша. — Я традиционен, Валер. Просто... Просто в моей жизни десять лет назад произошла трагедия.

И тут же пожалел, что сказал. У Валеры даже дыхание сбилось. Сейчас начнется!

— Да ладно! — ахнул он, снова ровно задышав. — И что? Что случилось? Тебя девушка бросила? К другому ушла, да?

— Она погибла, — коротко обронил Саша.

— Поги-ибла-а? — трагическим шепотом прошептал участковый и вцепился в его локоть. — Слушай, идем к нам, а? Идем! Жена ужином вкусным накормит. Она знает как у меня готовит! Посидим у прудика. У меня через улицу прудик знатный. Там карась с полметра! Посидим с удочками на вечерней зорьке, поговорим. Надо же! Девушка погибла... Обалдеть! Любил ее, да?

— Да.

Саша поморщился. Зачем сказал? Он ведь теперь будет при каждом удобном случае об этом вспоминать. И растрепит всем. И если до Марины Иванов-

• *Месть Священной красавицы* •

ны слух дойдет, то все — съезжать надо будет немедленно. Она зажалеет его насмерть.

— А как ее звали?

— Настя.

— Анастасия, значит... Прямо как мою двоюродную сестру, надо же!

Саша ускорился. Валера, сбившись с шага, тут же перестроился и заспешил с ним рядом.

— Слышь, Санек, а может, я тебя со своей сестрой двоюродной познакомлю, а? Тоже Настя. Чё ты... Идем к нам на ужин, а?

— Извини. — Саша остановился на перекрестке, где они обычно расходились, протянул руку. — Ну, до завтра?

— Ну чё ты, Санек? — Валера явно обиделся и руку пожимать не спешил, кивнул в проулок, в который обычно сворачивал Саша. — Ты не очень-то туда спеши. Там тебе с ужином сегодня сто процентов не повезет.

И Саша вдруг обеспокоился. И вспомнил, что пару дней назад у Марины Ивановны прихватывало сердце, и он сам лично капал ей сердечные капли, отыскав в ее аптечке.

— Что случилось?! Марина Ивановна слегла?!

— Да нет, чего ты побледнел-то? — удивленно воскликнул Валера. — Гости у нее. Полный дом гостей. Сначала внук приехал. Потом сын с охраной. Там у нее дым коромыслом. Ей сегодня не до тебя. Так что мое предложение в силе. Идем к нам?

— Валера... Извини... Ничего личного. Устал.

— Ну гляди.

Галина РОМАНОВА

Валера вяло ответил на рукопожатие, буркнул «пока» и ушел. А Саша снова почувствовал раздражение. И зачем он рассказал ему про Настю? Чего вырвалось? Станет теперь языком молотъ направо и налево. А если дойдет до Марины Ивановны...

Странно, но Валерины прогнозы не сбылись. Саша не остался без ужина. Стоило ему подойти к своей калитке, как из дверей соседского дома выглянул невысокий неприметный мужчина в холщовой кепке с козырьком и призывно замахал ему рукой.

— Вы мне? — Саша ткнул себя пальцем в грудь.

— Если ты Говоров, то тебе, — кивнул мужчина, спускаясь со ступенек крыльца и подходя к забору, разделяющему их два участка.

— Я Говоров. — Саша пожал протянутую руку.

— Я Вова. — Мелкие серого цвета глаза Вовы тщательно ощупали лицо соседа. — Не удивляйся, зови так. Все меня так зовут. Просто Вова. Идем, Говоров.

— Куда?

— За стол. Хозяйка дома зовет. Мой хозяин зовет.

— А ваш хозяин?

— Ее сын. Ганьшин Виктор Егорович. Влиятельный мужик. Злить не рекомендую. Раздражать тоже. Отказы не принимаются.

— Ладно. Сейчас я. Руки только помою, умоюсь. Да и переодеться надо. — Саша был в форме.

— Пять минут тебе, — согласно кивнул Вова и ткнул пальцев в забор. — Я тебя тут подожду.

Саша вошел в дом, Спиридон привычно сидел у порога, теперь возле его тапок. Верный кот. Умни-

• *Месть Спящей красавицы* •

ца. Ужин, невзирая на приглашение, Марина Ивановна все равно приготовила и оставила на столе под белым полотенцем. Валера снова оказался не прав. И записка на клочке тетрадного листка в клеточку. Неровным почерком Марина Ивановна оставила ему приглашение. И в суровой форме добавила приписку, что, если не придет, она обидится насмерть. Так и написала — насмерть.

Саша улыбнулся, убрал еду в холодильник. Над умывальником умылся, быстро переоделся в серые джинсы, черную футболку, надел сандалии, забыв про носки, и пошел из дома. Вова стоял все там же у забора, внимательно рассматривая небосвод, чуть сдвинув кепку со лба.

— Славные деньки устанавливаются, да, Говоров? Дождей больше не будет.

— Да, тихо, тепло. — Саша глянул на Вовин профиль. И добавил зачем-то: — Главное, тихо...

— Ну да, ну да, тихо. Идем, — и, не глянув в его сторону, зашагал к дому Марины Ивановны.

В комнате соседки был накрыт к обеду большой стол. В центре стола, застеленного накрахмаленной льняной скатертью, стояла громадная, с полведра, глиняная супница с торчащим из нее половником. Вокруг супницы груды тарелок с холодцом, салатами, блинами, жареной рыбой, тушеной кабанятиной. Прямо напротив входа сидел сын Марины Ивановны — Ганьшин Виктор Егорович. Высокий, крепкий, черноволосый, черноглазый. Рядом с ним, по левую руку, его мать — Марина Ивановна, не сводившая обожающего взгляда с сына и внука.

Талина РОМАНОВА

Внук сидел справа от отца и был почти его точной копией. Исключение составляли вес, рост, взгляд, выражение лица.

Егор? Да, точно, Егор, вспомнил Саша рассказы соседки о талантливом внуке.

Егор был выше отца, тоньше в талии, шире в плечах. Спокойный, лишенный отцовской настороженности взгляд. Выражение лица умиротворенное, никакой тебе папиной брюзгливости, надменности. Одет просто. И наверное, очень дорого. Хотя он не мог судить. Он в этом не разбирался.

Неплохой парень, сразу сделал вывод Саша. Его учили, как по физиономическим подробностям построить выводы о личностных пристрастиях.

Он поздоровался, представился, пожал по очереди руки отцу и сыну.

— Вот, Сашенька, дождалась! — похвасталась раскрасневшаяся и принарядившаяся Марина Ивановна. — И не думала, что так скоро приедут мои любимые! Ты присаживайся, присаживайся, я уже тебе и тарелочку поставила.

Саша присел к тому месту, где стояла чистая тарелка. Марина Ивановна тут же принялась наваливать ему еду.

— Кушай, кушай, — приговаривала она. — С работы, чай, не со свадьбы...

Он вежливо благодарил. Понемногу всего пробовал. Поддерживал вежливую беседу. Делился скудными местными новостями, интересовался столичными. От выпивки отказался. Старший Ганьшин и Вова стремительно переглянулись. Вова едва за-

• *Месть Спящей красавицы* •

метно кивнул, то ли одобрил, то ли осудил, черт его знает. Потом Марина Ивановна принялась убирать со стола, Егор вызвался ей помогать, а папаша с Вовой решили перебраться в сад.

— Мне, наверное, пора, — неуверенно обронил Саша, стоя у задних дверей, ведущих в сад.

— Нет, — категорично заявил Вова и подтолкнул его в спину между лопаток не очень вежливо. — Идем. Есть разговор.

Крохотный садик из трех чахлах яблонек и дюжины смородиновых и малиновых кустов. Тропинка к небольшой обветшалой беседке. Там дощатый стол, две скамьи. Ганьшин-старший сел, кивком указал Саше место напротив. Он сел, куда указали. Вова остался стоять на тропинке, ворочая по сторонам головой на тощей морщинистой шее, будто с минуты на минуту ожидал нападения.

— Есть разговор, — напомнил Ганьшин, полез в карман тонких серых брюк, достал фотографию и запустил ее в сторону Саши через стол. Приказал: — Взгляни!

Саша осторожно взял в руки снимок. На нем была запечатлена девушка. Очень красивая девушка. Фотографировали в полный рост. Высокая, прекрасная фигура, длинные русые волосы, голубые глаза, высокие скулы, пухлый рот.

— Что скажешь? — внезапно поинтересовался Ганьшин, наблюдая за Сашей с непроходящим раздраженным выражением лица.

— Красивая, — осторожно заметил он и положил снимок на стол ровно посередине.

Галина РОМАНОВА

— Да, красивая. Даже слишком! — фыркнул Ганьшин недобро и замолчал.

— И? — Саша вопросительно выгнул брови. — Вы позвали меня за тем, чтобы я засвидетельствовал этот факт?

Непроницаемо-черные глаза Ганьшина внезапно наполнились весельем.

— А дерзкий, Вова, пацан-то! — оживился он, шлепнув себя ладонями по ляжкам. — Страсть какой дерзкий! Он мне нравится, Вова!

Вова сдержанно кивнул, чуть тронув тонкие губы улыбкой, могущей означать: а я что говорил.

— Ты мне должен узнать об этой девке все! — неожиданно проговорил Ганьшин, прекратив веселиться и снова сделавшись раздраженным. И добавил: — Все и даже больше! Давай задавай свои вопросы. Только быстро, я устал!

Вова коротко кивнул, как кнутом щелкнул.

— Вопрос первый — кто она? — спросил Саша.

— Сафронова Эльза Ильинична, — проговорил Вова, оставляя свой наблюдательный пункт и входя в беседку. — Двадцати пяти лет от роду. Незамужняя, несудимая. Единственная дочь Сафронова Ильи Гавриловича.

— Речь идет именно о том Сафронове, о котором я думаю?

Фамилия местного миллиардера была на слуху. Саша много о нем читал в Интернете. И хорошего, и гадкого. Знал, что после смерти жены он так и не женился второй раз. Знал, что тот потерял в горах старшую дочь во время семейного похода. Оставшу-